

Татьяна Бахтигараева

**ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ
И СКАЗКИ**

Рассказы

Татьяна Бахтигараева

Жизнь, смерть и сказки. Рассказы

«Издательские решения»

Бахтигараева Т.

Жизнь, смерть и сказки. Рассказы / Т. Бахтигараева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836361-0

Первый сборник рассказов автора. Трудности выбора и вечные вопросы, несчастья и непонимание, обыденность и чудеса, но Жизнь непременно побеждает.

ISBN 978-5-44-836361-0

© Бахтигараева Т.
© Издательские решения

Содержание

Музыка	6
Каткин выбор	11
Врушка	13
Любовь и Люба	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Жизнь, смерть и сказки

Рассказы

Татьяна Бахтигараева

© Татьяна Бахтигараева, 2017

ISBN 978-5-4483-6361-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Музыка

Город – нарисованная неизвестным художником картина – замер за потрескавшимися от времени рамами с облупившейся краской. Спокойно-желтые пятна листьев на ветках и на сером тротуаре; через открытое окно чувствовался их привычный осенний запах. Пустынная детская площадка, огороженная низеньким зеленым забором. Детей в доме было четверо. В это время дня двое делали уроки, третий обитал в детском саду, а четвертая орала в соседней комнате.

У окна темным силуэтом стоял длинноволосый юноша в потертых джинсах и бежевом свитере с воротником до ушей. В руках у юноши была блестящая флейта, а взгляд устремлен куда-то в небо, где в сплошном покрове облаков лоскутками синело небо. На западе из-под тяжелеющей белой перины выбивались последние лучи солнца.

На кухне что-то разбилось; юноша очнулся, положил на подоконник нотную тетрадь и поднес флейту к губам. Он уже привык не слышать детского плача за одной стеной и ругани соседей за другой, он привык к коммунальной кухне и вечно занятому туалету, к перекошенным дверям и давно не крашеным рамам, к своей узкой кровати, письменному столу и виду из окна. И к нему привыкли. К его вечным гаммам и этюдам. Звали юношу Гошей.

Стоял теплый сентябрь. Но сегодня небо затянуло облаками, а сейчас, с наступлением сумерек, закапал дождь.

Ноты кончились, зато дождь продолжал свою таинственную музыку, и Гоша подстроился к нему.

Под окном, ежась, прошла девчонка в мокрой рубашке, подняла голову и, замедлив шаг, остановилась. Отошла к площадке, оглядела окна и вытянулась, как суслик. Гоша понял, что она слушает его. Такого никогда не было. Люди проходили мимо окон; а слушали его только преподаватели, потому что это их работа, да соседи, потому что у них не было выбора.

Стемнело. В дверь постучали:

– Георгий! Мне пора Машку укладывать, ты не помолчишь до завтра? Гоша очнулся:

– Хорошо, – убрал флейту в футляр и подошел к окну. Девочка уходила. Гоша вздохнул ей вслед и зажег свет.

Комната у Гоши узкая, с высоченными потолками и лепниной. И там всегда, по словам Лены, творческий беспорядок. На письменном столе – ворох нот и раскрытая тетрадь со стихами. На стенах – жирное пятно, колесо от велосипеда, расписание. Под столом книжная полка и рядом стопки книг. За дверью остатки велосипеда, рюкзак, лопата и тренога от нивелира, невесть откуда взявшаяся. На поцарапанном шкафу – еще одна куча книг и гитара без струн. На окнах полосатые бежевые шторы, наполовину выгоревшие. На подоконнике – ноты, книги, пакет из-под кефира с карандашами.

Гоша подумал, что Лена сегодня опять не приходила, что кто ее разберет, чего ей от него надо, и надо ли вообще; сгреб ноты и сложил стопкой на столе. Закрыв окно и ушел в кухню.

Обстановка там была всегда настолько одна и та же, что Гоше иногда казалось, что время остановилось.

Марья Наумовна в платочке и бордовой кофте, штопанной-перештопанной, пила чай в уголке у плиты. У двери на табуретке сидел Василий Палыч в тельняшке. Он сидел здесь всегда – ему казалось, что кто-нибудь обязательно украдет его кастрюли. За столом тетя Галя

(добреейшей души женщина, учительница литературы») и Римма Михайловна (бухгалтерша) обычно вели довольно светские беседа.

– ... Я у него спрашиваю: о чем стихотворение? Он говорит: о Серафиме. Римм, ты представляешь? Говорю: Ты что, с ума сошел, о каком Серафиме? Так он глаза вот такие сделал, будто это я чокнулась. Как, говорит, о каком? О шестикрылом! Я не могу!

Помолчали. Гоша достал с полки свою кружку и налил чаю.

– Гоша, – обернулась Римма. – Это не ты чашку Александра Валерьевича разбил?

– Нет, я тут с утра не был.

– Значит, Наталья. Ну, росомаха!

– Откуда вы знаете? Может, это не она! Что вы сразу обзываетесь?

– Сиди, заступник! Вот, Галь, увидишь, она скоро всю посуду переколотит! Сегодня уже блюдце разбила... А что она с ребенком делает, я не знаю – весь день орет.

– Ну, Римм, ребенок он ребенок и есть. Может у нее животик болит?

– Ой, ладно! – Римма махнула рукой и отхлебнула чай.

Гоша открыл холодильник. Его колбасу уже ополовинили. Еще вчера он бы смолчал, но сегодня зло взяло – Ленка не пришла, со Стасом из-за ерунды поцапался, Римма наезжает.

– Римма Михайловна! Это не вы мою колбасу едите?

– Что? Да ты... Нет, вы посмотрите какой нахал! – она аж встала.

– Не вы? Ну так и скажите, – Гоша пожал плечами, сделал бутерброд, взял чай и ушел в комнату под возмущенные крики соседки.

– Теть Галь, у вас дверь открыта, – игнорируя Римму, сообщил Гоша из коридора.

– Ох ты, Боже мой! Опять, наверное, нализался, – тетя Галя быстро ополоснула чашку и побежала к себе.

Гоша лег на кровать, чай поставил на пол.

Сегодня что-то явно не клеилось.

Вот интересно, если они с Ленкой поженятся, то Римма, наверное, ее загрызет как Наталью. Если только Ленка согласится жить в коммуналке. Нет, Гоша отсюда не уедет. Подумаешь, Римма возмущается, на это можно и внимания не обращать. Они уже все как родные стали. И потом – это окно, двор. А ехать к ней на окраину...

Бутерброд быстро кончился, читать сегодня не хотелось, а дождь все шелестел под окном. Гоша выключил свет, разделся, бросив одежду на стул, и влез под одеяло.

С утра суматоха была больше обычного – сломался сливной бачок и все носились взад-вперед по коридору.

Гоша вышел из комнаты, потянулся, оценил обстановку и прошмыгнул в ванную, пока там никого нет. Тут же в дверь стал ломиться Александр Валерьевич, муж Риммы:

– Кто там? Ну кто уже успел? Гоша, пропусти, мне некогда!

– Я уже разделся, – ответил Гоша с зубной щеткой во рту.

– Тогда быстрее давай! Я же опоздаю!

Березовские всегда считали себя центром Вселенной. Но Гоша нахалом не был – быстро умылся и освободил помещение. Перед туалетом стояла тетя Галя с ковшиком воды.

– Кто последний? – вежливо осведомился Гоша.

– Гош, ну хватит, а? – устало сказала тетя Галя.

День обещал быть повторением вчерашнего. Только дождь шел уже с утра.

Гоша надел куртку, взял сумку и ушел в училище.

– Привет, – подошел Стас. – Давай мириться. Гоша улыбнулся и протянул руку.

– И воцарилась благодать, – прокомментировал Борька.

– Ладно, пошли наверх, а то опоздаем.

По дороге из училища Гоша забежал в магазин. Потоптался у витрины с колбасой, вспомнил о количестве оставшихся денег и купил хлеба и заварки.

Дождь прекратился, но тучи не расходились. Гоша свернул во двор, отломил горбушку местной черной кошке, поднял с земли несколько желтых листьев и вошел в свой подъезд.

Не успел он войти в свою комнату и закрыть дверь, как в нее постучали.

– Ну, наконец-то, – сказал Гоша, улыбаясь. – Я уж думал, что не увижу Вас.

– Ждал, говоришь? – довольно сказала Лена, позволяя поцеловать себя в щеку. – Это хорошо.

Она села на кровать, откинувшись к стене.

– Ну что, ругаетесь?

– Ругаемся потихонечку. Где ты пропадала?

– А что, не имею права? Дела у меня были.

– Ты, между прочим, обещала, – заметил Гоша, вытаскивая из сумки ноты и флейту.

– Ты – мужчина, и должен ждать женщину сколько угодно.

– Глупости какие, – буркнул Гоша. – Это не значит, что женщина должна вытирать об мужчину ноги.

– Смешной ты, – задумчиво сказала она.

– Чай будешь?

– Конечно.

– Тогда жди, сейчас принесу, – Гоша ушел на кухню, пощупал чайник, зажег под ним газ и сел к окну.

– Что ж ты бабу-то свою бросил? – спросил Василий Палыч, постукивая по полу клюкой.

– Она не моя, – ответил Гоша, не оборачиваясь. Он обиделся на Лену. Чайник закипел. Гоша налил чаю в чашку и в стакан. В чашку насыпал сахар. Ушел в комнату.

– Гошка, ты обиделся? – спросила Лена. Она стояла спиной к окну.

– С чего ты взяла? На, держи, – он сел на кровать. Лена молча крутила чашку в руках.

– Ленка, ты любишь дождь?

– Терпеть ненавижу.

– Почему?

– Мокро, мерзко, и у меня вчера зонт сломался. Надо будет в мастерскую отнести.

– А без зонта?

– А лечить меня потом кто будет? Ты к нам на окраину не заглядываешь, все я к тебе.

– Ленка, не прикидывайся сиротой. У тебя друзей больше, чем звезд на небе.

– Да что они мне? Поэт ты недоделанный.

– Так тебе и поэт не нужен.

– Конечно. Человек должен жить на земле, а не в небе парить. Как некоторые.

Гоша усмехнулся:

– А мне сверху видно больше.

Лена допила чай и поставила чашку на стол.

– Ладно, глазастый. Мне на шейпинг пора.

– Ну беги, – сказал Гоша, пожав плечами.

Лена минуту постояла, потом взяла со стула свою сумочку, причесалась и ушла. Гоша проводил ее до двери квартиры.

Вернулся. Подошел к окну, прижался к стеклу лбом.

– Ленка, Ленка, чего ты сюда ходишь?

Она – будущая манекенщица. Он – флейтист, парящий в небе. Так зачем она приходит? Для чего это все? Любовь-то, кажется, уже прошла.

Ленка процокала каблучками мимо окон, встретившись со вчерашней девочкой. Гоша подскочил, открыл окно и сел на него.

Девочка подняла голову, посмотрела и ушла на качели.

Гоша встал, высунулся на улицу и спросил:

– У тебя хорошее настроение?

Девочка удивилась:

– Не знаю.

– Жалко, – ответил Гоша и ушел вглубь комнаты. Достал флейту, усмехнулся и заиграл что-то беспокойное. Ленка ушла. Надо будет сказать, пусть лучше не приходит, а то злит только. Нет, спросить зачем. Если любит, то почему так себя ведет? А если нет, то вообще непонятно.

А по крышам сейчас гуляет ветер, цепляясь за телевизионные антенны. Черная кошка дремлет на краю песочницы. Девчонка переместилась на зеленую ограду и сидит, поджав ноги, как нахохлившийся воробей. Странная. Откуда она взялась?

Гоша остановился, достал другие ноты и стал разучивать домашнее задание.

Девочка пришла и на следующий, и через день.

На четвертый он поехал к Лене. Позвонил в ее квартиру. Лена вышла в шелковом бирюзовом халате.

– Здравствуй. Ты так неожиданно... У меня беспорядок, но заходи.

– Да нет, Лен, – он засунул руки в карманы куртки и опустил голову. – Объясни мне лучше, а то я совсем запутался.

– Чего тебе объяснить? – Лена вышла на лестницу, прикрыв за собой дверь.

– Что мы с тобой из себя представляем?

– Опять твои философские изыски? Гош, надоело.

– Нет. Ты не поняла?

– Интересно, а почему я должна все понимать?

– Ты женщина, тебе по статусу положено. Она усмехнулась:

– Я понимаю так, что ты пришел прощаться. Да?

– Раз ты так поняла, то да.

– А может быть и нет?

Он подумал и сказал:

– Да нет, Ленка. Я пришел прощаться. Я никогда не смогу понять тебя, а ты меня.

Лена склонила голову и с какой-то непонятной гримасой оглядела Гошу.

– Ну ладно, тогда иди. Играй свою музыку. Ты ее лучше понимаешь. Пиши свои стихи, ночуй на облаках, собирай листья... Наверное, это правильно.

– Тогда до свидания.

– Пока, – Ленка проводила его взглядом до лифта и вернулась в квартиру.

Гоша шел по улице, ветер гладил его по волосам, чтобы сказать – все будет хорошо! Листья шуршали под ногами, переговариваясь о чем-то. Одни осуждали его, другие хвалили. А ему было уже все равно.

Гоша завернул во двор, а ветер, как всегда, остался ждать в переулке. Здесь же его встретила черная кошка. Гоша поднялся к себе на второй, открыл дверь своим ключом, скинул ботинки прямо у двери, зная, что Римма будет ругаться за это, и ушел в свою комнату. Выгля-

нул в окно. Девочки еще не было, но Гоша точно знал, что она придет, как только зазвучит музыка.

Он улыбнулся и взял флейту.

7.02.1995

Катькин выбор

Под колесом мельницы, журча, перекачивалась вода. Полная, ясная луна посеребрила весь мир. И вода текла расплавленным серебром, а у мельницы искрилась нестерпимым блеском. Чуть покачивался в безветрии камыш, шевеля воздух серебряными метелками.

На водопой пришли единороги. Они пили только такую, серебряную воду, и только здесь, у мельницы, где тропинка была припорошена мукой. Может быть потому, что Мельник никогда не трогал единорогов.

Ведьмочке в полнолуние тоже не спалось, и она тихонечко сидела на мостике около мельницы. Но, увидев единорогов, неслышно нырнула в камыш.

Ведьмочка была красивая, настолько красивая, что ей невозможно было придумать имя, любое казалось тусклым в сравнении с ней. Тоненькая, как травинка, большеглазая, окутанная черным шелком волос, быстроногая, как лань.

Она пряталась в лесу. Любой, кто ее видел, был обречен на безумие.

Катка смотрела на них всех издалека, потом чуть-чуть подправляла карандашом контур, и снова смотрела.

Витька остервенело курил на остановке, вглядываясь в сплошное пятно рассеянного света на горизонте. Откуда-то оттуда должен был появиться троллейбус. Моросил противный дождь. И троллейбусов не было. А Катка уходила туда, вглубь своего мира все дальше и дальше.

Он каждый день приходил к ней. С умирающим на секунду сердцем проходил за стеклянные двери с надписью «Онкология». В коридоре ему встречались худые измученные женщины в халатах и платках. Он буквально пробежал мимо ординаторской, откуда мог выйти Катькин врач с плохой новостью, о которой Катке говорить нельзя.

Смешно – как можно умудриться скрыть от больного диагноз, направляя его в онкологическое отделение?

Катка свешивала ноги с кровати и брала Витьку за руку. Она хотела увести его с собой в свою сказку, которую она сочиняла каждую секунду, уходя в нее с головой.

– Я себя хорошо чувствую! Правда, хорошо! Разве ты не видишь? – она совершенно спокойно улыбалась. И Витьке тоже становилось немного легче. В конце концов, люди, ждущие результатов гистологии, обычно так не улыбаются, значит можно попытаться убедить себя, что ничего не было.

– Врачи что говорят?

– Еще пока ничего не известно. К среде обещали. Смотри лучше, что покажу, – Катка доставала из тумбочки альбом и показывала рисунки.

– Это дорожка к дому лесника, в кустах живут ушастики. Они вот какие, смотри...

И Витька смотрел, смотрел. То на ушастиков, то на Катку, словно пытаясь запомнить ее. Что за чушь? Еще ведь ничего не известно! Еще, вполне возможно, Катке не придется носить платок, пряча облысевшую от химии голову, не придется глотать лекарства, кричать от боли и медленно, неотвратно умирать.

А если будет то, чего он так боится, то лучше, как она – спастись от страшной реальности в сказочном лесу, где живут единороги и ушастики. Катькин выбор вполне понятен, и даже верен.

Так было каждый день. Только сказки становилось все больше, а больницы все меньше.

А потом Витька уходил, стараясь унести с собой метелки камышей и голос Синего Ветерка. Но шум троллейбусов и других мыслей заглушал его, а метелки осыпались на асфальт и таяли.

И Витька оставался совсем один на проспекте, глядя вслед габаритам и стоп-сигналам. Один до страха, до ощущения бесконечности космоса, до кома в горле. Он выкуривал одну сигарету за другой и собирал все силы, чтобы сберечь последнюю искорку внутри себя – надежду на то, что все еще будет хорошо...

5.12.2002

Врушка

Сегодня светит ослепительное весеннее солнце. Я шлепаю по лужам растоптанными бордовыми ботинками, забрызгивая новые юркины брюки, и рассказываю ему новую потрясающую историю.

Меня уже никто не воспринимает всерьез, даже когда я говорю правду. Например, что у меня вчера был день рождения, и мне исполнилось 10 лет. Только Юрка верит всему; и если мне на ум приходит что-то интересное, я бегу его искать.

– Не связывайся с ней! Она – врушка!

Ну и пусть. Мне все равно. Хотя я не вру, а просто придумываю что-нибудь интересное. Просто иногда так получается. Случайно! Я только хочу ответить честно, а в голове – щелк! – что-то включается, и я уже не в силах остановиться. Рассказываю то, что обязательно разозлит.

Спрашивает у меня Светка:

– Ты не видела Альберта?

Я его не видела с самого завтрака.

– Да, видела. Он просил передать, что жить без тебя не может, очень любит, но не судьба...

Светка холодеет.

– Неожиданно нашлась его мама и забрала его.

– Где? – кричит Светка.

– По секрету: она на самом деле из Италии, жутко богатая, а он потерялся, когда она в Москву приезжала, давно уже.

Правда ведь это гораздо интереснее, чем просто «не видела»? А они теперь орут, шумят и со мной не разговаривают. Даже побили бы наверное, но я себя в обиду не даю.

– Юрка, не слушай ты ее!

Юрка удивленно оборачивается. Я тоже. Ну конечно, Альберт!

– Уйди! – кричу я ему и топаю ногой. Шапочка сползает на глаза, я ее поправляю и снова кричу: «Уйди!», а потом ухожу сама. Юрка кидается следом.

– А дальше что?

– А потом самый младший бельчонок научился говорить. Мало, правда. Говорил только «Дай», «Бей», «Ку-ку» и «Кушать».

– Правда?

– Правда.

– А потом?

– А потом я заблудилась в лесу и привезли сюда.

И неважно, что в прошлый раз я единственная спаслась во время кораблекрушения, а в позапрошлый – сбегала из Тюмени. Кто же виноват, что я не могу на самом деле прожить сорок жизней!

– Новенькая! Новенькая! – прокричало несколько голосов. И сразу же нас позвали в корпус.

Новенькую я отыскала на следующий день. Она ведь еще не знает меня, и с ней можно поговорить.

Я спрятала в карман шапку, потому что было тепло. Юрка сидел на скамеечке у крыльца. Я скормила ему пол-яблока Мудрости, найденного за забором и выковырянного оттуда палкой. Вторую половину съела сама. И тут увидела новенькую. Она бродила по тропинке совсем одна.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу! – подлетела я. Она робко согласилась. Я отвела ее за корпус, куда, по правде говоря, ходить нельзя. Там росло потрясающее, мистическое, мое

любимое дерево. Два прижавшихся друг к другу ствола, оплетающих друг друга ветвями, напоминающих фигуры обнявшихся людей.

– Я тут давно, – начала я свой рассказ. – Мне еще один дедушка эту историю рассказывал; он уже умер. Смотри. – Мы остановились у дерева.

– Какое странное, – тихо сказала она.

– Это не дерево, это заколдованные люди. Видишь? ОНИ жили на земле сто лет назад. Девушка и юноша. Они были добрыми и любили друг друга. Но однажды все вдруг стали ненавидеть друг друга, ругаться и убивать. Тогда они обнялись и превратились в дерево, чтобы их не убили, и чтобы не видеть всего этого. А расколдуются они тогда, когда на земле не останется ни одного злого человека.

– Значит, нескоро, – сказала девочка.

– Пойдем? – позвала я.

– Я еще тут посижу.

Я вышла на площадку. Если ее найдут, то ей попадет. И мне потом, потому что я опять наврала. И она не станет меня больше слушать. Жалко.

Я села на мокрую ступеньку пожарной лестницы. Мне было тяжело, отчаянно горько, что эту историю я всего-навсего выдумала.

1996

Любовь и Люба

В семь часов вечера, сделав домашнюю работу и дождавшись родителей, Любаша своей размашисто-неуклюжей двенадцатилетней походкой шагала в гости к подружке.

Сумерки и морозящий дождь – что может быть лучше для романтической влюбленной барышни? Любаша шла и улыбалась. Всему миру, дождливой улице, отражению фонарей в мокром асфальте, а особенно – предстоящей встрече с НИМ.

Любе несказанно повезло: любимый был старшим братом ее лучшей подруги Маши. Андрей Любашу восхищал до замирания сердца. Взрослый – 16 лет, это раз. Умный – слышала бы вы, на какие темы он вел разговоры с друзьями! Ну и конечно, самый красивый на свете: темные волосы, карие глаза, густые брови... Кроме того, он играл на гитаре и пел. И, что немаловажно в Любином случае, не избегал общения с младшей сестрой и ее подружкой.

Сама же Любаша, еще не доросшая до возраста гадкого утенка, была обычной девочкой, разве что немного мечтательной и немного несовременной.

По неизвестной причине все модные течения обходили Любашу стороной. Впрочем, как и Марусю. Более продвинутые одноклассницы звали подруг «ископаемые», ухмылялись свысока, но особо не обижали. А Любе с Машей вполне хватало общества друг друга. И еще Андрея и Саши, Машиных братьев. Такой вот уютный и добрый замкнутый мирок.

Так все и продолжалось до поры до времени, пока Любаша вдруг не начала ощущать какое-то беспокойство, которое усиливалось в присутствии Андрея. В конце концов Люба призналась Маше в любви к ее брату. Та возликовала, принялась строить планы вплоть до внуков, и подбивать Любу на всевозможные интриги в меру своей испорченности.

Всю прошлую неделю, например, Люба звонила ему и молчала, но в пятницу прибежала Маша и дала отбой: Андрей притащил откуда-то определитель номера. А вчера девчонки сочинили целое письмо. Распечатали на принтере, украсили сердечками, и на перемене Маруська подложила его Андрею в рюкзак.

Вечером Андрей озадаченно бродил по квартире, листал записную книжку, потом заперся с телефоном на кухне, чтобы обсудить ситуацию с другом Валеркой. Обо всем этом Маруська сегодня днем рассказала в школе. Хорошо иметь своего шпиона!

И вот теперь Любаша спешила к Маше, чтобы разработать новый план. Андрей был на тренировке по карате, и планировать можно было спокойно.

– Я думаю, надо ему намекнуть, что это ты, – поделилась Маша за чаем.

– Ты что! Даже не думай! – Люба даже руками замахала. – Я боюсь!

– А ты как хочешь?

– Не знаю, – вздохнула Любаша. – Может, шарик к двери привязать?

– Любаш, но это же все то же самое! Надо как-то менять тактику...

– Нет, – Люба отставила чашку и уперлась руками в колени. – Давай, Марусь, ничего не делать. А то вдруг он догадается?

– Ну, как хочешь. Кстати, хочешь сгущенки?

– Ага, давай! Ой, Марусь, как же мне хочется... Ух! – Любаша изобразила крепкие объятия.

– Тогда я тебя совсем не понимаю.

– Да я и сама ничего не понимаю. Наверное, не доросла еще, чтобы понимать...

– Маш, я вот думаю... А может, мне надо волосы покрасить? Как у девчонок! Во что-нибудь яркое. Ленка Воронина все время говорит, что мне рыжий пойдет. И сережки кольцами. А?

– Ну не зна-а-аю... А тебе мама разрешит?

Люба пожала плечами и вздохнула. Потом отхлебнула чая и сказала:

– Попробую, попрошу.

– А ведь я тогда одна останусь не крашенная, – Маруся повертела в руках чашку.

Любаша серьезно посмотрела на подругу:

– Тогда я не буду краситься. Это же плохо, когда человек один!

Маруся смущенно улыбнулась, а потом засмеялась:

– Тогда мы опять ничего не придумали!

– Ну и ладно! Моя бабушка говорит: «Утро вечера мудренее». Может быть, завтра что-нибудь придумаем?

– Что вы собрались придумывать? – настороженно спросила Марусякина мама, входя в кухню.

– Да так, ничего, – зачастила Маруся. – Мам, мы уже все, пойдем в комнату.

– Да не спешите, я же вас не выгоняю. Пейте свой чай. Я только ужин поставлю разогревать, а то Андрей скоро придет.

«Андрей скоро придет» – сладко отозвалось в Любе...

– Да нет, мы правда все. Видишь? Одни чайники остались!

– Ну тогда, Мария, надо бы чашки со стола убрать и помыть.

– Ага, сейчас уберу! Любаш, ты сиди, я сама!

– Ну вот еще!

В комнате Маша включила магнитофон и прошептала:

– Смотри, что Дюшка вчера делал!

Ни для одного человека на Земле эта запись не имела такой ценности, как для Любаша, и Маруся это прекрасно знала. С кассеты под гитару пел Андрей. Тихо, даже всех слов не разобрать – наверное, чтобы родители не слышали.

– Андрей знает, что ты это взяла?

– Ты что, нет, конечно!

– Нехорошо как-то, – засомневалась Любаша, но уже через секунду ее сумасшедшая любовь взяла верх. – А перепиши мне, пожалуйста.

Маша хихикнула, щелкнула кнопкой и протянула Любаше кассету:

– Я так и знала, что тебе понравится. Держи.

– Ты, что ли, уже?

– Ага, – довольно улыбнулась Маруся.

Любаша взяла кассету в руки и прижала к горячей щеке.

В комнату постучала Машина мама:

– Люба, твоя мама звонила, домой тебя зовет.

– Ага, спасибо. Ну вот, как всегда, на самом интересном месте, – Любаша, конечно, не призналась, но Маруся и так поняла, что она мечтала дожидаться Андрея.

Любаша начала одеваться, и они с Марусей, как могли, тянули время: болтали и будто забывали, что пора уходить. Потом из комнаты выскочил Санёк, показал свою нарисованную войну.

Своей цели они достигли. Не успела Любаша взяться за дверную ручку, как щелкнул замок и на пороге показался Андрей.

– О, привет, девчонки, привет, мам, привет, Сань!

Любаша сглотнула подпрыгнувшее и попавшее не туда сердце и ответила:

– Привет! – стараюсь улыбаться как можно лучезарнее.

– А ты уже уходишь?

– Ага.

– Мам, давай я Любу провожу, а то там какая-то шпана в подъезде.

– Может, тогда подождать лучше? – забеспокоилась мама.

– Да ну, мам! Нам сегодня такой прием показали!

– Тебе не терпится прием опробовать? – недовольно уточнила мама.

Андрей засмеялся:

– Просто я их не боюсь, они хиляки! Я их всех завалю!

– Ладно, ладно, герой. Иди, провожай. Только чтоб первым не лез! И осторожнее там... – и проворчала вполголоса, уходя в кухню. —Шестнадцать лет, ума нет, один выпендрёж в голове...

– Ага, – не обиделся сын.

Любаша чуть не плакала от счастья. Он! Сам! Напросился ее проводить! И защищать от шпаны! А может и правда, признаться ему в любви? Вдруг он тоже любит, но стесняется? Или думает, что она еще маленькая и любить не умеет еще?

– Пойдем?

Люба кивнула и помахала Маше рукой, сияя, как начищенный самовар.

Андрей закрыл дверь ключом, пропустил Любашу в лифт. На первом этаже никого не было.

– Надо же, ушли, – весело сказал Андрей, достал из кармана телефон и позвонил домой. – Мам, ты вполне можешь быть спокойна. Никакой шпаны уже нет, наверное, меня испугались!

Любаша хихикнула.

Они вышли из подъезда.

– Эх, плохой я кавалер, – вздохнул Андрей. – Зонтик забыл.

– Я не боюсь дождя, – успокоила его Люба.

– Я тоже не боюсь, – ответил Андрей, снял джинсовку и дал Любе. – Накройся, и не промокнешь.

– Я, правда, не боюсь промокнуть!

– И я тоже на самом деле не боюсь! Я и посерьезнее вещей не боюсь, что о дожде говорить? – он накинул куртку ей на голову.

– Люба стянула ее на плечи и сказала умоляюще:

– Мне за курткой тебя не видно! – и, поняв, что это звучит почти как признание в любви, оправдалась. – Я не могу разговаривать, когда не вижу!

Андрей посмотрел на нее, улыбнулся и кивнул: «Пойдем!»

Они шли, не торопясь, той же дорогой, только теперь в обратную сторону.

– А ты хочешь стать музыкантом? – спросила Любаша, держась в кармане за подаренную кассету.

– Хочу, но не уверен, что ополучится.

– Получится, – уверила Люба. – Ты же играл тогда, я слышала. У тебя хорошо получается.

– Спасибо, Любаш, за доверие. А если музыкантом не получится, тогда... – он замолчал.

Люба подождала и спросила:

– Кем тогда?

– Тогда, наверное, биологом.

– Ой, это мне тоже нравится! Очень интересно про всяких животных. А про растения – не очень.

– Да нет, в растениях тоже много интересного. И все очень... Очень мудро устроено в мире. Ты замечала?

– Я пока об этом не думала, – призналась Люба. – Но зато я заметила, что в мире очень много похожего. Например, прожилки листьев похожи на ветки деревьев, и на сосуды. И на реки. А хвощ похож на ёлку. А еще в снегу бывают маленькие пещерки с сосульками. Они, наверное, похожи на настоящие пещеры со сталактитами.

– Да, правда, – с интересом хмыкнул Андрей, и оживился еще больше. – Давай назовем это «принципом подобия».

Любаша с улыбкой посмотрела на Андрея («Какой же он красивый! И умный!») и кивнула.

– А еще... Я ни с кем об этом не говорил, но ты, по-моему, поймешь. Мне кажется, что мир возник совсем не так, как нас учат. Как что-то может возникнуть из ничего?

– Как «из ничего»? А как вас учат? Мы еще этого не проходили.

– Там штука такая. В океане при невыясненных обстоятельствах возник комок слизи, и он превратился в первую клетку. Но это чушь, я считаю. Из ничего не может появиться что-то, тем более, такое логичное и грандиозное как природа.

– Правда, странно, – согласилась Любаша. – Наверное, просто ученые еще чего-то не знают. А ты хочешь стать биологом, чтобы узнать, откуда всё взялось на самом деле?

Андрей с интересом посмотрел на Любу, поежился и признался:

– И это тоже, – и бастро добавил. – Но я думаю, что нас сюда кто-то заселил. Насажал деревьев, пустил животных и нас тоже. И наблюдают за нами.

– А кто?

– Да не знаю... Инопланетяне какие-нибудь, – Андрей застеснялся высказанной вслух версии. Но Люба и не собиралась смеяться, она очень серьезно относилась ко всему, что говорил Андрей.

Она задумалась. И думала до самого дома не об Андрее, а о его словах.

– Вот, сдаю с рук на руки, – бодро сказал Андрей Любиной маме.

– Спасибо, Андрюшенька, спасибо!

Везёт же маме! Она может спокойно называть Андрея Андрюшенькой и даже не покраснеть!

– Пока! – сказала Любаша.

– Пока! – улыбнулся Андрей, помахал рукой и скрылся на лестнице. Любаша вздохнула и закрыла дверь.

Потом Андрей еще несколько раз провожал Любашу до дома. Они говорили о разном – о кодексе самураев и чести, о деньгах, которые портят и не портят людей, о будущем выпускном Андрея. Один раз, уже зимой, просто играли в снежки и смеялись.

Эти вечера были самыми счастливыми в размеренной Любашиной жизни. И этими разговорами Любаша не делилась даже с Марусей, чтобы не обесценить их. Впрочем, Маруся была девочкой умненькой, и не лезла с вопросами.

А потом наступила весна, и Люба почти перестала видеть Андрея. Он то готовился к экзаменам, то гулял допоздна. И Любаше приходилось довольствоваться рассказами преданной Маруси.

Накануне Пасхи Любаше позвонила бабушка.

– Любонька, поедem со мной, куличи освятим, поможешь мне.

– Да, бабушка, хорошо! – Любаша очень любила бабушку, и с радостью соглашалась на любые ее предложения.

– Только ты, Любушка, не забудь надеть юбку и платочек.

– Ой, бабушка! Я платочек-то и забыла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.